
ЛАУРА СЕСТРИ

БАБА-ЯГА И ЗМЕЙ

Змей — одна из наиболее важных фигур в народных представлениях о животном царстве. Мифологическая семантика объединяет змея и дракона.¹ На самом деле русская *змея* женского рода означает змею, в то время как *змеи* означает дракона. С грамматической разницей в роде согласуется разница в символике змеиных персонажей, и это относится ко всему славянскому миру. Образ славянской змеи многозначен и включает в себя множество оппозиций: это комбинация мужского и женского начала; символики воды и огня; положительного и отрицательного принципов; апотропеического (полезного) и вредного; ядовитого и исцеляющего начала; это источник зла, но обладающий одновременно защитной функцией. Ее хтоническая природа, отраженная в генетическом родовом сходстве между словами *zmeja* и *zemlja*, определяет взаимосвязь с подземным царством смерти. По восточнославянским и болгарским народным верованиям убийство змеи вызывает дождь; в украинских верованиях змея может «запруживать» воду и стать причиной засухи.²

Гипотезы о связи между Бабой-Ягой и змеей привлекают ряд ученых уже в течение длительного времени. А. Н. Афанасьев на основе этимологического анализа предполагал, что существует связь между славонским *jaga, ježi, jedza* (и другие славянские именные формы) и санскритским *áhi* — ‘dragon’. Тем не менее это указывает на некоторые трудности в фонетической трактовке. Здесь очевидна связь между санскритским *áhi*-и старославянским **âžь*, русским *už* — *змея*, потому что оба восходят к индоевропейскому **angʷ(h)i-* (санскритское — к **ogʷh-*) — *змея, червь*.³ Согласно Афанасьеву, Баба-Яга, подобно дракону, охраняет водные источники, прячет медь, серебро и золото в своей кладовой.⁴

Эта гипотеза была поддержана К. Д. Лаушкиным,⁵ связавшим ее со специфической ногой Бабы-Яги: помимо того, что эта нога является единственной, она к тому же еще и костяная — особенность, по мнению автора, сравнительно более раннего происхождения, нежели одноноготь. Трактовка последней, согласно Лаушкину, связана со змеей, так как в волшебной сказке Баба-Яга перед смертью превращается в змею.⁶ Более того, хотя этимология, данная Афанасьевым, вызывает ряд возражений, гипотеза, согласно которой *jaga* восходит к санскритскому *áhi-*, остается, по мнению Лаушкина, наиболее правдоподобной.

С этимологической точки зрения гипотеза Лаушкина и Афанасьева о змеиной природе Бабы-Яги выглядит неубедительно. Тем не менее если связь между Ба-

¹ Гура А. В. Змея // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: В 5 т. 1999. Т. 2. С. 333—334.

² Там же. С. 334—338.

³ Pokorny J. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Tübingen; Basel, 2002 (Francke A. *angʷ(h)i-*).

⁴ Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу. М., 1994. Т. 3. С. 588.

⁵ Лаушкин К. Д. Баба-Яга и одноногие боги (к вопросу о происхождении образа) // Фольклор и этнография / Отв. ред. Б. Н. Путилов. Л., 1970. С. 181—186.

⁶ Ончуков Н. Е. Северные сказки. СПб., 1908. № 152 (Записки Императорского русского географического общества по отделению этнографии; Т. 33). Цит. по: Лаушкин К. Д. Баба-Яга и одноногие боги... С. 185 (сноска 20).

бой-Ягой и змеей существует, она нуждается в выявлении с помощью звуковой (фонетической) аргументации.

Е. Гаспарини сообщает две версии этимологической трактовки имени *jaga*: старославонское *jaza*, *jazda*, которые означают рану, язву или болезнь вообще⁷ — и в таком случае ведьма будет означать сварливую женщину, и реконструированная общеславянская форма **enga*, связанная с хватательным действием и действием утеснения (значения, которые согласуются с одним из мифических змеев Галиции, называемых *Jaza*, — точка зрения, к которой склоняется Гаспарини⁸). Автор дает также свою собственную интерпретацию: Баба-Яга — это лунная ведьма и ее отличительные черты интерпретируются согласно лунным фазам: избушка на курьих ножках, костяная нога и слепота Бабы-Яги или ее единственный глаз.⁹

О. А. Черепанова считает, что типологическая связь между *jaga* и змеей нуждается в дальнейших подтверждениях, кроме всего прочего, на базе славянского фольклорного материала. Этимологическая связь между *jaga* и *áhi* не исключается как определяющая даже этим исследователем, который предлагает другие фольклорные и лингвистические данные для подтверждения гипотезы о существовании этой связи.¹⁰

На Севере Европейской России названия Бабы-Яги отличаются огромной вариативностью (например, *баба-яга́ба*, *ба́бка-яга́*, *ба́ба-ляга*, *яги́шиша*, *ба́ушка яги́шина*, *егíбова*), и этот факт отражает реальную вариативность существующей терминологии, хотя не может быть полностью установлено, что эта вариативность связана с отсутствием полноты последовательных, постоянных фиксаций фольклорного материала, записанного на разных территориях. Основной круг метафорических значений имен-вариантов, сопровождающих Бабу-Ягу, остается тем же и для обобщенного образа Бабы-Яги: злая, сварливая, злобная женщина.

Возвращаясь к гипотезе о возможной связи, существующей между Бабой-Ягой и змеей, Черепанова обращает внимание на ногу ведьмы, на ее способность летать, как мифологический дракон, на ее связь с лягушкой, которая живет в двух мирах и близка ящерице, чей внешний вид (вместе с лягушачьим) соответствует представлениям об образе дракона во многих культурах. Слово *jaga* (или другие, близкие ему) часто используется для обозначения змеи: например, в заговоре от змеиного укуса, записанном в XVIII в., это животное прямо так и называется — *jaga*. Русская *зме́я* на самом деле не является исконным названием змеи, но возникает как табу по отношению к слову *zemlja* и означает создание, которое ползает по земле.¹¹ Среди бесчисленных названий для змеи до сих пор не выделено того, которое могло бы рассматриваться как исконное. Согласно Черепановой, исконное название действительно может быть *jaga*.¹² Автор, подводя итог, делает вывод, что изучение (обзор) фольклорных и лингвистических источников позволяет конкретизировать мифологический прототип Бабы-Яги в образе змеи. В мифологических системах многих народов змея имеет тхоническую природу и по этой причине находится в непосредственном контакте с царством смерти.

В своей последней работе о Бабе-Яге А. Джонс приводит обширную библиографию. Таким образом, мы узнаем, что в других традициях, не только в славянской, заменой Бабы-Яги (или персонажа, похожего на нее) является дракон или змей (змея).¹³

Недавно М. В. Рейли и А. В. Никитина провели тщательный анализ специфических особенностей Бабы-Яги на базе текстов, записанных на севере Европейской части России. Цель этого исследования — дать ответ на вопросы, которые до

⁷ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1973. Т. 4 (*jagá*).

⁸ Gasparini E. Il matriarcato slavo: Antropologia culturale dei protoslavi. Firenze; Sansoni, 1973. P. 637.

⁹ Ibid. P. 638 и посл. — Данная интерпретация не близка мне. См.: Johns A. Baba Yaga. The ambiguous mother and witch of the Russian Folktale. New York, 2010. Peter Lang разделяет мою точку зрения.

¹⁰ Черепанова О. А. Мифологическая лексика Русского Севера. Л., 1983. С. 103—110.

¹¹ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1967. Т. 2. (*zmejá*, *zmijá*).

¹² Черепанова О. А. Мифологическая лексика Русского Севера. С. 106—107.

¹³ Johns A. Baba Yaga. The ambiguous mother and witch of the Russian Folktale. P. 57—60, 69.

сих пор еще не решены, и рассмотреть этот образ, который в некоторых аспектах «затемнен»,¹⁴ в новом свете.

Ученые, анализируя тексты, заметили, что образ «отрицательной»¹⁵ Бабы-Яги отличается от традиционно известного, показывая вместо этого очень сильную связь с древними мифологическими представлениями, сохранившимися до наших дней.¹⁶ Что касается изучаемого здесь аспекта, начиная с анализа названий атрибутов, относящихся к «отрицательной» Бабе-Яге, в различных представленных в работе регионах, то все свидетельствует о ее змееподобной и хтонической природе.¹⁷ Согласно мнению исследователей, эта природа вытекает из того факта, что имя, вместо того чтобы показать себя в традиционной форме *Баба-Яга* (и его варианты), представляет себя с помощью перестановки двух элементов (и подходящих вариантов). Таким образом, качественная природа персонажа оказывается отделенной от первого элемента имени, *Jaga-*, и, если мы допускаем связь этих элементов со змеей/драконом,¹⁸ второй элемент, *-baba*, будет, таким образом, обозначать персонажей, принадлежащих женскому полу. Рейли и Никитина обращаются также к одному из рассматриваемых текстов, принадлежащих мурманскому региону, где ведьму называют *змеевкой*. На базе других, менее очевидных характеристик, которые находятся в этом же тексте, змеиные черты Бабы-Яги проявляются так же ярко, как и ее способность летать.¹⁹

Первый элемент ведьмино имени играет роль и в своей териоморфной интерпретации, то есть *baba* обозначает также пеликана, кукушку. М. Шапиро²⁰ считает, что доисторический териоморфный прототип Бабы-Яги не только змея, но также и пеликан, представленный как раз в слове *baba*. Более того, вслед за работами Gimbutas²¹ автор пытается продемонстрировать, что «Баба-Яга восходит к хорошо известной фигуре Великой Матери (Magna Mater) через позднейшую связь со староевропейскими Птичьей и змеиной богинями».²²

Насколько я знаю, только Джонс проанализировал образ Бабы-Яги на основе материалов, встречаемых в былинах,²³ и это понятно, поскольку былины не являются «естественным местом обитания» этого персонажа. Тем не менее она появляется в некоторых былинных текстах, что может дать нам некоторые интересные признаки, указывающие на связь, существующую между природой этого образа и змеей.

Баба-Яга как активный, действующий персонаж появляется в былинном сюжете «Добрыня и Алеша», записанном Гильфердингом на Онеге в трех вариантах.²⁴

¹⁴ Никитина А. В., Рейли М. В. Баба-Яга в сказках Русского Севера // Русский фольклор: Материалы и исследования. СПб., 2008. Т. 33. С. 28—74.

¹⁵ Многие исследователи освещали амбивалентную природу Бабы-Яги, которая проявляет себя в образе помощницы героя/героини («положительная» Баба-Яга) и его/ее противницы («отрицательная» Баба-Яга).

¹⁶ Никитина А. В., Рейли М. В. Баба-Яга в сказках Русского Севера. С. 30.

¹⁷ Там же. С. 31—32.

¹⁸ Авторы также обращаются к некоторым цитируемым здесь работам (Афанасьева, Проппа, Лаушкина, Черепановой), касающимся различной интерпретации образа *яги*, хотя и разделяют сомнения в ее этимологической связи с санскритским *āhi-*.

¹⁹ Никитина А. В., Рейли М. В. Баба-Яга в сказках Русского Севера. С. 30—31, 33—34.

²⁰ Shapiro M. Baba-Jaga: a search for mythopoetic origins and affinities // International Journal of Slavic Linguistics and Poetics. 1983. № 28. P. 109—135.

²¹ См. также: Dexter M. R. The Frightful Goddess: Birds, Snakes and Witches, in *Varia on the Indo-European Past: Papers in Memory of Marija Gimbutas* // Journal of Indo-European Studies. Monograph 19. P. 124—154.

²² Ibid.

²³ Johns A. Baba Yaga: The ambiguous mother... P. 252—254.

²⁴ Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года. М.; Л., 1951. Т. 3. № 228, 290, 292. Сюжет появляется также в «Онежских былинах», изданных Ю. М. Соколовым и В. Чичеровым (М., 1948. № 239 и 242). Второй вариант заканчивается там, где Баба-Яга настигает героя. Первый, прозаический, похож на варианты Гильфердинга. В «Указателе мотивов, сюжетных ситуаций и повествовательных звеньев богатырских былин» Л. А. Астафьевой (в кн.: Фольклор: Проблемы историзма / Ред. В. Н. Гацак. М., 1988. С. 221) цитируется вариант Гильфердинга № 289, где в действительности Баба-Яга не появляется, а вместо нее мы обнаруживаем змею. Хотя Астафьева рассматривает также коллекцию Соколовых, она не приводит те два варианта, где Добрыня сражается с Бабой-Ягой.

Этот сюжет лучше известен как «Муж на свадьбе у своей жены», также представленный в других литературных традициях (например, в «Одиссее»).²⁵

В. Я. Пропп считает, что былины, включающие в себя этот сюжет, наполовину волшебные сказки, наполовину эпос.²⁶ Повествование сообщает об отъезде Добрыни из Киева по приказу князя Владимира; этот последний дает ему поручение, которое может изменяться от варианта к варианту. Вот почему, согласно Проппу, здесь важным является то, что происходит с женой Добрыни во время его отсутствия, а не приключения богатыря. По словам В. Я. Проппа, «эпос еще не достиг такой степени художественного развития, чтобы певцы смогли справиться с задачей изображения событий, которые происходят на двух театрах действия одновременно. В старинном фольклоре всегда имеется только один театр действия. Это связано с тем, что еще не выработалась способность понимать время и пространство обобщенно».²⁷

Тем не менее Пропп обнаруживает, что этот «закон» не был долее стабилен и даже лучшие сказители пытались заполнить эту «лакуну действия», описывая остальные приключения Добрыни. В. Я. Пропп обращается только к одному примеру, который он считает удачным, где хорошо известный сказитель Трофим Рябинин вводит в этой точке повествования сюжет о Добрыне и Василии Казимировиче. Более того, Пропп кратко намекает, что мы можем обнаружить попытки подобного рода также и у других сказителей, без дальнейших уточнений.

В трех вышеупомянутых вариантах Гильфердинга мы следуем за Добрыней, выполняющим поручение, данное ему Владимиром: встретить врага, который угрожает Киеву, и этот враг — Баба-Яга. Прежде чем уехать, Добрыня прощается с матушкой, жалуясь на свое неблагодарное задание, и наказывает своей молодой жене ждать его возвращения несколько лет. Только после этого она может снова выйти замуж — за кого захочет, кроме Алеши Поповича.

В тексте № 228 Добрыня решает умыться и искупаться в Пучай-реке, когда внезапно «налетела курва Яга баба».²⁸ Он находится в невыгодном положении и убеждает Бабу-Ягу в том, что не будет ей чести, если она нападет на него в подобных условиях; будет лучше, если она позволит ему одеться. Баба-Яга соглашается, и они начинают сражаться. Битва продолжается шесть лет. Алеша находит их, но немедленно возвращается в Киев и сообщает ложные новости о смерти Добрыни, чтобы жениться на его жене. Свадьба должна состояться днем позже, но Илья Муромец присоединяется к Добрыне и предупреждает его о том, что случится, если он не вернется немедленно в Киев. Однако у Добрыни возникает трудность (с. 222—223):

Пособи-тко убить курвы Ягой бабы.
Говорил Илья да таково слово:
— Да ай ты Добрынюшка Микитьевич!
Не честь не слава молодецкая
Двум богатырям биться с одной бабою.
А бей-ко ты бабу по бабьему,
По титькам бей да и под гузно.
Да спомнил он старые ухваточки,
А стал бить по титькам да и под гузно,
Убил он курву Ягу бабу <...>²⁹

Как только Добрыня убивает Бабу-Ягу, он сразу возвращается в Киев и оказывается на свадьбе у своей жены.

²⁵ См.: Пропп В. Я. Русский героический эпос. М., 2006. С. 284—285; Пропп В. Я., Путилов Б. Н. Былины: В 2 т. М., 1958. Т. I. С. 532.

²⁶ См.: Пропп В. Я. Русский героический эпос. С. 285—286.

²⁷ Там же. С. 287.

²⁸ Глагол, который описывает дракона, главным образом, звучит как *налететь*. Ср.: *Giusti Fici F. Lo spazio e il tempo nell'epos popolare russo (ciclo di Kiev) // La Ricerca Folklorica. 1987. № 15. P. 91—102.*

²⁹ Анализ соответствующего лексикона см.: *Sestri L. Zlatygorka: Testualità, antropologia e profondità comparativa di un personaggio femminile dell'epica popolare russa: Tesi di Dottorato. Macerata, 2009. P. 177—189.*

Вариант № 290 менее детален, нежели № 228, но элементы, относящиеся к Баба-Яге и интересные для нас, представлены хорошо. В этом варианте Баба-Яга представляется как *богатырь*, и Добрыня бьется с ней в лесу девять лет. Илья Муромец также подсказывает Добрыне, как ее убить.

В тексте № 292 Бабу-Ягу называют *поляницей*, и Добрыня начинает биться с ней в открытом поле, рядом с горючим камнем.³⁰ Повествование продолжается, как и в других вариантах.

В этих трех былинах Баба-Яга на самом деле заменяет Змея Горыныча. Мы также должны напомнить исследование Рейли и Никитиной по поводу имен «отрицательной» Бабы-Яги (там, где она является главным образом антагонистом): акцент сделан на элементе *jaga*, который на самом деле занимает первое место, как было показано в варианте № 228.

Более того, Пучай-река — классическое место, где происходит схватка между Добрыней и Драконом. В этой реке запрещено купаться.

Причина, по которой нельзя купаться в Пучай-реке, не имеет ничего общего с запретами религиозного характера. Река эта опасна, а не священна. Эта река — обитель змея. Тот, кто попадает в эту реку, попадает в пасть всепожирающего чудовища. Таким образом, это адская река, река смерти. Заметим, что змей всегда находится у реки. Генетически река, у которой обитает змей, восходит к представлениям о реке, отделяющей мир здешний от мира нездешнего. Убивая змей, Добрыня уничтожает в сознании людей границу между этими мирами, а тем самым уничтожает веру в потусторонний мир.³¹

Помимо связи с водой³² (и огнем) дракон также связан с горами, от которых происходит его имя (Горыныч).

Таким образом, в трех вариантах сюжета «Добрыня и Алеша» мы находим битву между Добрыней и Бабой-Ягой, где ведьма функционально заменяет дракона. Теперь мы должны заметить, что былина «Добрыня и Алеша» включена в некоторые варианты текстов, где Добрыня сражается против дракона. Этот факт дает нам следующее подтверждение того факта, что Баба-Яга и дракон развивались схожим путем.

Посмотрим на два примера из Свода русского фольклора.³³

В № 10 (согласно нумерации III тома Свода) Добрыня, после того, как покинул дом, плавает в синем море,³⁴ когда его настигает летающая *Змея востролютая*. Богатырь убеждает змею перенести его на сухую землю и биться в равных условиях, так как не будет чести в том, чтобы победить безоружного человека. Потом Добрыня хватает змею за крылья и швыряет ее на землю (стр. 111—119).

А зговорила Змея да востролютая:
«А уж ты ой еси, Добрынюшка Микитиц млад!
А не убивай меня, Добрынюшка, до смерти нонь!»
А говорыл-де Добрыня да таково слово:
«А ты скажи мне, Змея да востролютая,
И да скажи мне, Змея, да всю ведь правду нонь:
А да где у ты стоит жива вода, мертвая?
А-й где у ты стоит ковёр самолётные:
А ишша как же коври да приговаривати?»

³⁰ Горючий камень — очень важный элемент в словаре былин. Из недавних интерпретаций см.: Sestri L. Forma linguistica e funzione mitologica della pietra nelle *byliny*: alcune osservazioni su lingua e cultura in ambito russo, in Atti del Convegno «Medioevo Folklorico. Intersezioni di testi e culture». Macerata, 4—6 Dicembre 2007; L'immagine riflessa. N. s., 2009. Anno XVIII. P. 333—360.

³¹ Пронн В. Я. Русский героический эпос. С. 193.

³² Вода — любимая стихия «отрицательной» Бабы-Яги в волшебных сказках Севера европейской части России. Ср.: Никитина А. В., Рейли М. В. Баба-Яга в сказках Русского Севера. С. 50.

³³ Былины в 25 томах / Ред. А. А. Горелов и др. СПб.; М., 2003—2006. Т. 3—5: Былины Мезени. № 10, 11 (Свод русского фольклора. Север Европейской России).

³⁴ На Севере России река иногда замещается морем. См.: Пронн В. Я. Русский героический эпос. С. 194.

Змея открывает богатырю, что в ее доме, сделанном из белого камня, Добрыня найдет все, что только пожелает, а также сообщает заклинание, с помощью которого можно достать ковер-самолет. Как отмечено в своде, эта часть повествования совершенно очевидно составлена в стиле волшебной сказки.

В № 11 Добрыня также требует у змеи вынести его на сушу, на серый камень. Далее богатырь хватает и швыряет этот камень, сбивая им восемь змеиных голов. Эти головы превращаются в драгоценные камни. Здесь, согласно своду,³⁵ влияние волшебного эпоса и древних представлений о драконе как страже подземных сокровищ бесспорно.

Былины, где Баба-Яга появляется в качестве замены змеи/дракона (это является неотъемлемой частью эпоса), очевидно, представляют собой более позднюю стадию, на которой границы между волшебной сказкой и эпосом начали постепенно размываться. Однако я хочу подчеркнуть, что эта замена стала возможной благодаря общей архаической концепции, касающейся рассмотренных здесь персонажей. Данная изофункциональность между Бабой-Ягой и змеей/ драконом и данные исследований Проппа,³⁶ Шапиро и Декстера³⁷ по поводу того, что дракон в действительности представляет собой комбинацию (помесь) двух животных, змеи и птицы — двойной терiomорфной интерпретации *baba*, получают, таким образом, дальнейшее подтверждение.³⁸

Дракон / змея в славянской культуре, как мы увидели, имеет неясную природу: это комбинация противоположных принципов, которые тем не менее сосуществуют, конечно, в развитии. Говоря об изофункциональности (взаимозаменяемости) между драконом / змеей и Бабой-Ягой в различных контекстах (явственно видимых или цитируемых), не логично ли предположить, что амбивалентность Бабы-Яги происходит из неясного понимания образа славянской змеи?

³⁵ Былины в 25 томах. Т. 3. С. 469.

³⁶ *Пропп В. Я.* Исторические корни волшебной сказки. Л., 1946. С. 197—198.

³⁷ См.: *Dexter M. R.* The Frightful Goddess. P. 124—154.

³⁸ Присутствие Бабы-Яги в пяти былинах (три у Гильфердинга, две у Соколовых) является, согласно Джонсу, необычным фактом, который делает эту былинку исключением внутри народной эпической традиции. Джонс также отмечает, что ведьма замещает дракона. Автор интерпретирует эти тексты когерентно всеохватывающей формулировке своего учения. — *Johns A.* Baba Yaga: The ambiguous mother... P. 254—255.